

Конвенционализм А. Пуанкаре и деконструктивизм Ж. Деррида как проблема языка

С. Е. ЖАРИНОВ

(ИНСТИТУТ ОБЩЕЙ ФИЗИКИ ИМ. А. М. ПРОХОРОВА РАН)*

Статья содержит анализ творчества одной из ключевых фигур постструктурализма и деконструктивизма — Ж. Деррида. В статье показано, как проблема текста и языка, поднятая французским философом, связана с философией конвенционализма, предложенной математиком А. Пуанкаре, и что проблемы интерпретации научного знания, с которыми столкнулась европейская наука в начале XX века, во многом повлияли на философию Ж. Деррида.

Ключевые слова: конвенционализм, логоцентризм, постструктурализм, деконструктивизм.

H. Poincaré's conventionalism and J. Derrida's deconstruction as a problem of language

S. E. ZHARINOV

(A. M. PROKHOROV GENERAL PHYSICS INSTITUTE OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

Abstract: This article gives brief analysis of J. Derrida's works dedicated to deconstruction and post-structuralism. It is shown that problem of text and language is connected with philosophy of conventionalism and that problems of interpretation of scientific knowledge which science faced at the beginning of 20-th century influenced J. Derrida's philosophy.

Keywords: conventionalism, logocentrism, post-structuralism, deconstruction.

Ключевой фигурой постструктурализма и деконструктивизма является Жак Деррида. Его работы «Глас» (1974), «Почтовая открытка: от Сократа к Фрейд и дальше» (1980), «Окрестности» (1986), «О духе: Проблема Хайдеггера» (1987) и «Психея: Открытие другого» (1987) закрепили за Деррида авторитет одного из самых влиятельных современных философов, эстетиков и культурологов. Творчество Деррида в известной степени можно считать обширным, нескончаемым комментарием к чужим мыслям и к самому себе, его собственная мысль постоянно «ускользает» от четких дефиниций и однозначных определений. Не укладываясь в традиционные представления о философии и философах, Деррида в этом отношении далеко не одинок и, выделяясь своей подчеркнутой экстравагантностью, является представителем довольно почтенной традиции. Традицию эту сформулировал еще Хайдеггер, охарактеризовав ее как «поэтическое мышление».

Не заходя слишком далеко в философскую проблематику, отметим в предыстории данного вопроса лишь то, что даст возможность несколько прояснить истоки общей позиции Ж. Деррида. Так, сам философ всегда ссылается на традицию, ведущую свое происхождение от Ницше, Фрейда и Хайдеггера, однако считает их концепции явно недостаточными для окончательной деконструкции метафизики: «Я, возможно, привел бы в качестве примера ницшеанскую критику метафизики, критику понятий бытия и знака (знака без наличествующей истины); фрейдовскую критику самоналичия, т. е. критику самосознания, субъекта, самоотождествленности и самообладания; хайдеггеровскую деструкцию метафизики, онто-теологии, определения бытия как наличия» (Derrida, 1974: 21–57).

В творчестве Хайдеггера в «поздний» период в стремлении философа найти смысл бытия и человеческого существования язык обретает ведущую роль, при этом даже темы

* Жаринов Станислав Евгеньевич — аспирант Института общей физики им. А. М. Прохорова Российской академии наук (Москва). Тел.: 375-15-68. Эл. адрес: sjarinov@gmail.com

человека, науки, техники и искусства переформулируются в понятиях языка, привязываются к этой проблематике. Язык рассматривается философом не лингвистически, как замкнутая система знаков, а онтологически, через скрытую в словах изначальную бытийную основу, благодаря этому Хайдеггер срывает язык и бытие, восстанавливает их изначальное единство.

Стратегия «позднего» Хайдеггера — это этимологический разбор (деструкция) слова, которое он разрушает на составные части, пытаясь добраться до истинного, изначального значения; философ пытается показать «историю» наслоения всех социальных смыслов и расколоть, восстановить забытый, стершийся аутентичный смысл слова. Смысл этот понимается не как генетически, исторически первичный, а первичный в ином смысле: «искомыми являются отнюдь не временная, не историческая, не генетическая, но смысловая «изначальность» слова: такое начало, которое, если угодно, никогда не было, но которое всегда есть, есть как «первоначально», как *principium* («принцип»)). Сам философ явно претендовал на создание и использование им совершенно нового языка, преодолевающего метафизичность обычного человеческого языка. Таким образом, деконструктивизм, являясь попыткой радикализации хайдеггеровской деструкции западноевропейской метафизики, имеет целью не прояснение фундаментального опыта бытия, но всеобъемлющую негацию понятия бытия как такового, постулирует невозможность содержательного объяснения бытия.

Деконструкция — это латинский перевод греческого слова «анализ». Основным вопросом деконструкции — становится вопрос о переводе, так в своей работе «Письмо к японскому другу» Ж. Деррида пишет: «Когда я избрал это слово (деконструкция. — *Прим. авт.*) — или когда оно привлекло к себе мое внимание (мне кажется, это случилось в книге «О грамматологии»), — я не думал, что за ним признают столь неоспоримо центральную роль в интересовавшем меня тогда дискурсе. Среди прочего, я пытал-

ся перевести, приспособить для своей цели хайдеггеровские слова *Destruktion* и *Abbau*» (Деррида, 1992: 53–57).

Деконструкция как децентрация. Деконструкция направлена прежде всего против принципа «центрации», пронизывающего буквально все сферы умственной деятельности современного европейского человека. «Центр» организует «структурность структуры». Но по Деррида, «центр» — «не объективное свойство структуры, а фикция, постулированная наблюдателем, результат его «силы желания» или «нищешанской воли к власти»» (Ильин, 1996: 111).

Всевозможные виды «центризм» обобщены Деррида в понятии «логоцентризм». Рассмотрим оба коренных элемента этого составного слова. «Логос» — по-гречески это разум, слово и, реже, пропорция. Для Деррида во множестве значений этого слова основным становится именно второе — здесь он следует и библейской традиции, и традиции современного структурализма. «Центризм» подразумевает иерархию, а наличие центра для Деррида становится помехой в беспрепятственной игре, заменам между элементами внутри структуры (Derrida, 1972: 402–428). Центрация — это такой способ идентификации или самоидентификации чего бы то ни было, при котором «одна сторона множества отношений, из которых составлена система, приобретает преимущественное положение, а другая вытесняется на периферию» (Пигалев, 2002: 891–894). Для Деррида в «логоцентризме» главным становится логос как «слово», или даже логос как «звук» (фония), и уже потом логос как учение, знания, разум.

По Деррида, логоцентризм — «не только способ помещения логоса и его переводов (разума, дискурса и т. д.) в центре всего, но и способ определения логоса в качестве центрирующей, собирающей силы». «Считая, что логоцентризм навязывает свою «идеологию» (собственный смысл) и подавляет иные типы познания становящегося мира, философ предпринимает попытку извлечь «опыт мысли» от господствующей морали.

Децентрация, рассеивание «твердых» смыслов и становится у него одним из основных понятий деконструктивизма, важнейшая цель которого — демистификация фантомов, внедряемых посредством языка» (Скопанова, 2001: 19).

Децентрация происходит в двух аспектах: «децентрирование субъекта» и «децентрирование дискурса», что приводит к деиерархизации и релятивизации отношений в бинарных оппозициях типа «язык-речь», «речь-письмо», «означаемое-означающее», «текст-контекст», «природное-культурное», «мужское-женское» и т. д., следовательно, ведет к преодолению жесткой смысловой однозначности текста.

Деррида стремится «выйти за рамки классической философии, «начать все сначала» в ситуации утраты ясности, смысла, понимания заново, незапрограммированно погрузиться в стихию текста. Этому служит тонкий, изощренный анализ словесной вязи, кружева слов в разнообразных контекстах, выявляющий спонтанные смещения смысла, ведущие к рассеиванию оригинального текста. Текст теряет начало и конец и превращается в дерево, лишенное ствола и корня, состоящее из одних ветвей. Цитатное письмо в сочетании с симптоматическим чтением, локальным микроанализом текстов позволяет сосредоточить внимание на основных темах грамматики — дисциплины, обобщающей принципы деконструкции: знаке, письме, речи, тексте, контексте, чтении, различении, метафоре, бессознательном и др. Деконструкцию логоцентризма Деррида начинает с деконструкции знака, затрагивающей краеугольные камни метафизики» (Маньковская, 1995: 20).

Деконструкция знака. Согласно традиционной теории языка, реальность репрезентуется сознанию посредством языковых обозначений, и именно означаемое позволяет языку воспроизводить реальность объективно; означающее же — как вторичная, производная от смысла инстанция — из этого процесса исключается. Возникающие в недрах структурно-семантического комплекса язы-

ковые концепции сознания и бессознательного Деррида преобразовывает в духе постструктурализма, рассматривающего язык не в качестве нейтрального посредника между реальностью и мышлением, а как образование, имманентное реальности.

Уже в лингвистической теории Лакана язык называет не вещь, а ее значение, знак. Значение же отсылает лишь к другому значению, а не к вещи, знак — к другому знаку, у Лакана означающее, сопрягаемое с символическим, господствует над означаемым, сопрягаемым с воображаемым. Таким образом, «язык — это не совокупность почек и ростков, выбрасываемых каждой ветвью. Слово — не головка спаржи, торчащая из вещи. Язык — это сеть, покрывающая совокупность вещей, действительность в целом. Он вписывает реальность в план символического» (Маньковская, 1995: 56).

Деррида идет по пути не символизации, а семиотизации и текстуализации. Вслед за Лаканом он отказывается от теории знака, предполагающей неразрывное единство означаемого (понятия) и означающего (акустического образа слова). Но в отличие от Лакана философ стремится к деиерархизации отношений в бинарной оппозиции «означаемое-означающее», ни то, ни другое не надевая привилегированное положение.

Знак у Деррида соотносится с вещью, которую замещает, и не с воображаемым, а с языком как системой априорно существующих различий. Восприятие означаемого объекта требует, согласно Деррида, логики его различения с уже известным. «Смысл слов не в них, а между ними, и язык — всего лишь система различий, отсылаемых всеми элементами друг другу, и нет возможности остановиться на одном из них. Слово-ключ не существует, так же как и центр. Тогда-то, в отсутствие центра или источника, язык вторгается в область универсальной проблематики, все становится речью, т. е. системой, в которой центральное обозначение никогда в абсолютном смысле не присутствует. Отсутствие трансцендентного обозначаемого расширяет до бесконечности поле и игру

значений» (Терминология современного зарубежного литературоведения, 1992: 11). В ряде случаев возможно говорить об отложенном означаемом. Например, «когда читаешь художественные тексты, то имеешь дело с чрезвычайно сложной референцией, многослойной, перегруженной», — напоминает философ (Интервью с Жаком Деррида, 1992: 76). Постструктурализм Деррида имеет дело со «следами». «Эти следы суть не что иное, как отпечатки тех смысловых контекстов, в которых побывало «общенародное» слово прежде, чем попало в наше распоряжение» (Косиков, 1974: 14).

Деконструкция оппозиции «речь-письмо». В оппозиции «речь-письмо» приоритет традиционно отдавали устной речи как естественной, первичной перед письмом. Деррида же деконструирует эту оппозицию, основные функции языка у него принимает на себя как раз письмо. В своей работе «О грамматологии» философ обнаруживает фундаментальный уровень бытования письма и речи, снимающий их противостояние, — архиписьмо, которое управляет всеми знаковыми системами, в том числе устной речью, создавая коммуникативное поле.

Внимание Деррида перемещается со структуры на структурирование, «с самих смыслонесущих элементов на их связи, на переходы между ними, на движение в сети этих переходов», ибо он приходит к выводу, что только «уникальное местоположение в топологической системе этих связей, только движение по этой сети придает каждому элементу — «означающему» его означаемое, его смысл» (Субботин, 1993: 41, 36).

Если исходить из понимания «мышления и культуры как процесса бесконечного замещения знаков, их постоянного перекодирования», то архиписьмо — «движущий импульс этого процесса, непрестанное порождение значимых различий, тот электроток, что бежит по цепи замкнутых друг на друга культурных знаков» (Вайнштейн, 1992: 65).

Текст Деррида. Философ отказывается от интерпретации текста как сугубо лингвистического феномена («в смысле устной и пись-

менной речи»), распространяет понятие текста и на неязыковые семиотические объекты, на весь мир, рассматриваемый как текст и, таким образом, «текстуализируемый». «Каждая реальность является текстовой по своей структуре, — замечает Г. Х. Керимов, — поскольку воспринимается, переживается как система различий в смысле постоянных отсылок к чему-то другому» (Керимов, 1996: 374). В интервью с О. Б. Вайнштейн Деррида сказал: «Для меня текст безграничен. Это абсолютная тотальность. «Нет ничего кроме текста»: это означает, что текст — не просто речевой акт. Допустим, этот стол для меня — текст. То, как я воспринимаю этот стол — долингвистическое восприятие, — уже само по себе для меня текст» (Интервью с Жаком Деррида, 1992: 74). Для Деррида не существует ничего вне текста и деконструкция в основном нацелена на преодоление представления о тексте как сугубо лингвистическом феномене.

Деконструктивизм Деррида и данные современной науки. Анри Пуанкаре в своей работе «Наука и гипотеза» утверждал, что «некоторые основные начала» науки следует понимать как конвенции, т. е. условно принятые соглашения, с помощью которых ученые выбирают конкретное теоретическое описание физических явлений среди ряда различных и одинаково возможных описаний. Эти конвенции, предписания «налагаются на нашу науку, которая без них была бы невозможна» (Пуанкаре, 1990: 8).

Обоснованный Пуанкаре естественнонаучный конвенционализм тут же был распространен некоторыми философами на процесс познания в целом и развернут в философский конвенционализм, отрицающий объективное содержание в любых научных построениях и в науке вообще. Так, Пуанкаре утверждал, что выбор той или иной формы теоретического описания среди ряда равноправных форм производится лишь на основе «удобства», «полезности»: «Геометрия есть некоторое условное соглашение, своего рода компромисс между нашей любовью к простоте и нашим желанием не слишком

далеко удаляться от того, что нам сообщают наши инструменты» (Пуанкаре, 1990: 546).

Критерий «удобства», неоднократно использованный Пуанкаре для выбора предпочтительной геометрии и объяснений трехмерности пространства, стал причиной многих недоразумений. Вскоре после выхода в свет книги «Наука и гипотеза» в широкой печати поднялась волна скандальной сенсации. Поводом послужило утверждение автора о том, что он сомневается, будто Земля действительно вращается (Пуанкаре, 1990: 97–99).

В связи с появлением неевклидовых геометрий Пуанкаре охарактеризовал системы аксиом различных математических теорий как соглашения, которые находятся вне поля истины или логичности. Предпочтение одной системы аксиом другой обусловлено принципом удобства. Единственное ограничение на их произвольный выбор состоит в требовании непротиворечивости. Развитие математической логики в 1930-х годах привело к усилению позиций конвенционализма. С формально-логической точки зрения для мира объектов возможны различные системы классификаций. Так, согласно «принципу терпимости» Карнапа, в основе данной научной теории может находиться любой «языковой каркас», т. е. любая совокупность правил синтаксиса. «Языковые формы» следует использовать с учетом их полезности.

Как видно из вышесказанного, идеи деконструктивизма Деррида являются лишь отражением того, к чему пришла научная мысль Запада начала XX века, и, главное, благодаря открытиям А. Пуанкаре все заговорили об особом языке науки. Языковой, или лингвистический, аспект и позволяет нам сделать вывод о том, что открытие деконструктивизма не было результатом лишь субъективных воззрений французского философа-постструктуралиста, а явилось отражением того, что еще называют глобальным «кризисом рациональности», который и привел к смене казавшейся незыблемой ньютоново-картезианской парадигмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайнштейн, О. Б. (1992) Деррида и Платон: деконструкция Логоса // *Arbor Mundi / Мировое древо*. Вып. 1. М.: Мировое Древо, РГГУ ИВГИ.

Деррида, Ж. (1992) Письмо к японскому другу // *Вопросы философии*. № 4.

Ильин, И. П. (1996) Постструктурализм // *Современное зарубежное литературоведение*: энцикл. сб. М.: Интрада.

Интервью с Жаком Деррида (1992) // *Arbor Mundi / Мировое древо*. Вып. 1. М.: Мировое Древо, РГГУ ИВГИ.

Керимов, Г. Х. (1996) Постмодернизм // *Современный философский словарь*. М.; Бишкек; Екатеринбург.

Косиков, Г. К. (1974) Ролан Барт — семиолог, литературовед // *Р. Барт. Избр. работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс.

Маньковская, Н. Б. (1995) «Париж со змеями» (Введение в эстетику постмодернизма). М.: ИФРАН.

Пигалев, А. И. (2002) Центризм // *Всемирная энциклопедия философии XX век*. М.: АСТ Мн.: Харвест, Современный литератор.

Пуанкаре, А. (1990) *О науке*. М.: Наука.

Скоропанова, И. С. (2001) *Русская постмодернистская литература*. М.: Флинта, Наука.

Субботин, М. И. (1993) Теория и практика нелинейного письма (взгляд сквозь призму «Грамматологии» Ж. Деррида) // *Вопросы философии*. № 3.

Терминология современного зарубежного литературоведения (1992) (Страны западной Европы и США). М.: ИНИОН. Вып. 1.

Caputo, J. P. (1987) *Radical hermeneutics: repetition, deconstruction and the hermeneutical project*. Bloomington.

Derrida, J. (1974) *Le parergon* // *Digraphe*. № 3.

Derrida, J. (1987) *Lettre à un ami japonais* // *Derrida, J. Psyche — Invention de l'autre*. P., Galilée.

Derrida, J. (1972) *La structure, le signe et le jeu dans le discours des sciences humaines* // *Derrida, J. L'écriture et la différence*. P.: Minuit.